

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

RESEARCH ARTICLE

✉ **СЕНЬ Дмитрий Владимирович**
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
dsen1974@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5222-4685>

ТИХОНОВ Олег Юрьевич
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
olti8802@mail.ru

УДК/UDC 327.8:[341.76+35.083.91+82-94](470.64+560+470+571)"172/173"
ГРНТИ 03.23.31
ВАК 5.6.1.
<https://doi.org/10.36343/SB.2025.44.4.005>

Историко-культурные связи России и Кабарды в политико-дипломатическом пространстве «кабардинского вопроса» (1720–1730-е гг.): конструирование нарратива

Аннотация. Статья посвящена малоизученным аспектам «кабардинского вопроса», связанным с попытками нескольких государств обосновать «исторические» права на Кабарду и кабардинцев. Цель статьи – установление и анализ форм и способов отражения дискурсивных представлений России, Крымского ханства и Османской империи об этих правах. Основу корпуса источ-

© Сень Д. В., Тихонов О. Ю., 2025

ников составила делопроизводственная документация российских центральных и местных учреждений преимущественно первой половины XVIII в. Подчеркивается возможная связь заявлений кабардинцев о своем подданстве России с их желанием получить прочную военно-политическую поддержку. Особое внимание уделено активной дипломатической позиции России, наиболее системно собиравшей свидетельства о «древнем» российском подданстве кабардинцев. Определено, что соответствующие нарративы, выгодные для России, конструировались с опорой на летописные источники, материалы приказного и коллежского делопроизводства, а также устные и письменные свидетельства самих кабардинцев.

Ключевые слова: дипломатия, договоры, Кабарда, кабардинцы, Крымское ханство, Османская империя, Российская империя.

Проблема взаимных притязаний России, Крымского ханства и Османской империи (равно как и использования ими элементов исторической аргументации) на Кабарду нашла некоторое отражение в историографии еще дореволюционного периода. К примеру, в работе В. Н. Кудашева (1913) отмечено, что в сношениях с Московским государством Турция всегда старалась заявить о своих притязаниях на Кабарду, однако серьезного политического значения они не имели [10, с. 51]. Данный тезис автор аргументировал, опираясь на истории кабардинских посольств и присяг московским государям, а также выдачи ими аманатов российской стороне. Отмечалось, что в петровский период данный спор продолжился, и победа российской стороны была обусловлена нежеланием самих кабардинских князей служить крымскому хану или турецкому султану. Вместе с тем В. Н. Кудашев отмечал вторичность кабардинского вопроса в русско-турецких отношениях вплоть до 1731 г., когда он впервые вышел на первый план в связи с походом крымского хана Саадет-Гирея на Кабарду [10, с. 51]. Крупный советский историк Н. А. Смирнов тоже обратил внимание на исторические аргументы обеих сторон в ходе обострения «кабардинского вопроса» в тот же период, включая политический контекст создания справки «О Кабардах Большой и Малой, о пребывании их в протекции или же в подданстве Российской Империи» [24, с. 71–73]. Среди прочего «кабардинский вопрос» нашел свое отражение в трудах И. И. Якубовой, предположившей, что «заключением Белградского соглашения 1739 г. Россия в качестве международного гаранта этого догово-

ра впервые получила право нейтрализовать Крымское ханство и стоящую за ним Османскую империю в их притязаниях на Кабарду...» [29, с. 123]. Вместе с тем в историографии уделялось больше внимания эффективности и последствиям развития русско-кабардинских связей, скажем, в контексте кавказской политики России или военно-дипломатической истории русско-турецких договоров XVIII в. Приоритет подобных аспектов в ходе раскрытия темы не всегда способствовал системному анализу исторических и даже идеологических аргументов многочисленных участников «борьбы за Кабарду», в том числе аргументов, связанных с историческим обоснованием подобных притязаний и «древнего» пребывания кабардинцев в том или ином подданстве.

Цель статьи состоит в установлении и анализе форм и способов, репрезентирующих дискурсивные представления России, Крымского ханства и Османской империи о своих правах на Кабарду, в том числе опирающихся на документы и устную память. Основное внимание уделено событиям 1720–1730-х гг. применительно к попыткам всех основных участников «кабардинского вопроса» (включая самих кабардинцев) представить свою версию того или иного подданства Кабарды. Кроме того, научная значимость статьи связана с необходимым уточнением роли и места невоенных форм соперничества России, Крымского ханства и Османской империи в пространстве «кабардинского вопроса», влиявших как на его обострение, так и на частичное разрешение еще до 1739 г.

Статья основана на письменных исторических источниках, преимущественно первой

половины XVIII в. Главным образом, это делопроизводственные источники различных российских центральных и местных учреждений. Речь идет о подлинных и копийных документах, как правило, уже опубликованных, но недостаточно проанализированных в предшествующей историографии. Среди использованных методов – как общенаучные, так и специальные исторические, включая историко-генетический и историко-сравнительный.

Основной план исследования предполагает анализ той дискурсивной части «кабардинского вопроса», которая была связана с поисками Россией и ее противниками всевозможных аргументов для подтверждения «исторических» прав на Кабарду и кабардинцев.

Научная значимость и актуальность представленной статьи определены несколькими основаниями. Российская наука накопила огромный массив сведений о развитии российско-кабардинских связей в XVIII в., о формах и методах решения Россией, Крымским ханством и Османской империей так называемого кабардинского вопроса; о динамике отношения самих кабардинцев к указанным государствам, к своему международному статусу и положению [4] [6] [7] [20] [22] [28] [29]. Актуально исследовать оригинальную и адаптивную, переводную риторику/лексику самих кабардинцев о всевозможных связях с Россией, элиты которых регулярно общались с российской стороной при помощи толмачей и переводчиков (например, в случае переводов своих писем с татарского или других восточных языков¹). Каким образом кабардинцы, не обладавшие собственной письменностью и, вероятно, обилием «древних» российских грамот и тому подобных текстов, могли помнить (припоминать) в XVIII в. характер и особенности своих отношений с Россией, скажем, второй половины XVI–XVII вв.? Какие факторы влияли на актуализацию и на вербализацию

¹ В указанной связи стоит задаться вопросом о формах и механизмах сохранения/трансляции кабардинцами исторической памяти о политических и культурных связях с Россией в ходе подобных устных и письменных коммуникаций. К примеру, насколько профессионально российские переводчики работали с кабардинскими грамотами «татарского письма»? См. важную статью о языках письменной коммуникации кабардинцев с российской стороной [25].

кабардинцами памяти о своем «древнем» служении (подданстве) России, о традиционной выдаче ей аманатов, а самим кабардинцам царского жалованья еще от «предков» того или иного императора (императрицы)? Интересный этнографический материал приведен в труде Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа», составленном на основе кабардинского фольклора. Одним из первых в дореволюционной историографии ученый использовал подобные исторические нарративы. Так, он отмечал, что «память союза и дружества с Русскими и по настоящее время в нашем народе; и теперь еще пословица говорит *тхаго Цар-Иванъ хоттуа* (курсив Ш. Б. Ногмова. – Д. С., О. Т.), т.е. “присяга, которая перед царем Иваном”» [12, с. 108]. Не исключено, что механизмы формирования и трансляции такой исторической памяти получали внешнее поощрение и направленное развитие со стороны нарождавшейся империи (а именно – в первой четверти XVIII в.), когда кабардинские «посольства» уже в новых реалиях стали активно посещать российскую столицу. Именно тогда, в петровскую эпоху, переговоры о российском подданстве стали едва ли не самой важной частью многочисленных коммуникаций кабардинских элит с российскими властями разного уровня².

* * *

Актуально сравнить лексику и риторику России, Крымского ханства и Османской империи в пространстве *равноправных* исследовательских кейсов и имперских практик, а не руководствоваться исключительно тезисом о перманентной агрессии Гиреев и Османов против Кабарды («прокрымские» настроения которой были сильны еще в первой трети XVIII в.). Не менее актуально исследовать и такую проблему – использовалась ли Петром I и его последователями на российском престоле так называемая геральдическая аргументация в обосновании прав России на Кабарду (так, часть титула царя Алексея Михайловича, отца Петра I, звучала следующим образом

² К примерам подобной коммуникации можно отнести «посольства» кабардинских владельцев в Россию [см.: 9, с. 5–10, 15–20, 23–25, 27–30], а также их переписку с А. Б. Черкасским – кабардинским князем на русской службе и др. [22, с. 332–333, 378, 387–390].

«...Государь Иверские земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинские земли, Черкасских и Горских Князей» [14, с. 405]; часть титула самого Петра I, ставшего императором в 1721 г., выглядела следующим образом «...Государь Иверские земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей наследный Государь и Обладатель») [16, с. 453]? В титуле же правящих Гиреев, скажем, в документах XVII в., адресованных московским царям, регулярно упоминалось о том, что тот или иной хан являлся «великим падишахом»/«великим ханом» различных народов, включая «живущих в горах черкесов»/«горских черкас» [27, с. 115, 124, 136, 142]. Ярким примером подобной аргументации служит титул крымского хана Мурад-Гирея, отраженный в тексте его шертной грамоты по случаю заключения Бахчисарайского мирного договора 13 января 1681 г. Крымский хан именовался, в частности, как «Божьей Милостью, великия Орды, великаго Юрта Крымского Престола... несчетных Татов и Тевкесов, и между горских Черкесов, Государь высокоименитый...» [15, с. 290–291]. Еще во второй половине XVI в. один из крымских ханов утверждал в своей грамоте, адресованной царю Ивану IV, что «черкасы хандыкереву величеству (то есть турецкому султану. – Д. С., О. Т.) и нам подручны. И тем городом (то есть Терками. – Д. С., О. Т.) хочешь ты отлучить черкас от хандыкереву величества и от нас ты похотел черкас отлучить...» [24, с. 30].

Среди форм символических притязаний московского, а позже петербургского двора в данном регионе (наряду с разысканием исторических аргументов, якобы обосновавших права России на Кабарду), необходимо выделить эволюцию кавказских объектов в составе царского титула. Впервые кавказские объекты, среди которых находился и кабардинский элемент, добавились в царскую титулатуру в июле – августе 1589 г. [19, с. 40]. Поводом к этому послужили переговоры Москвы со Священной Римской империей по поводу создания антиосманского альянса. Данный элемент еще отсутствует в грамотах к императору Рудольфу и других документах за июнь – июль 1589 г., но он зафиксирован в грамоте в г. Ригу псковского воеводы Д. И. Ве-

льяминова уже в начале августа того же года [19, с. 40]. Определяя антиосманский альянс главной целью российско-имперского партнерства, Москва решала и иные внешнеполитические задачи, к примеру, побуждая императора добиваться польской короны для своего наследника. Тем самым Москва пыталась ослабить позиции своего сильного соперника – Речи Посполитой. Данный замысел, однако, предполагал убеждение будущего союзника в могуществе державы, способной объединить силы с прочими европейскими христианскими державами и разгромить Османскую империю [19, с. 41]. Подобные внешнеполитические амбиции требовали соответствующего авторитета, что вело к стремлению российской дипломатии завязать могущество и влияние страны на Востоке [19, с. 41]. Впрочем, помимо символических притязаний на Северный Кавказ, Россия имела в своем «активе» к концу 1580-х гг. и более существенные аргументы, в том числе шертную запись от имени кабардинских князей и присягу кахетинского царя Александра [19, с. 41]. Подчеркнем, что созданная и используемая в дипломатических сношениях с европейскими странами кавказская часть царского титула впоследствии нередко опускалась российской стороной в переписке с восточными государями, имевшими, как отмечалось выше, собственные притязания на данные территории. Ключевые соперники России в кавказском регионе (Османская империя, Крымское ханство и Сефевидский Иран) чутко реагировали на любые изменения «символического» баланса сил, что, например, выражалось в их реакциях на изменение структуры и содержания царского титула. Подобный показательный конфликт описан в обновательной работе С. Ф. Фаизова [26].

Не желая обострять и без того сложные отношения с Гиреями и Османами, российская сторона до поры поступалась частью своих геральдических/символических кавказских притязаний, вероятно, не имевших вплоть до XVIII в. для нее решающего значения на восточном направлении. Весьма прозрачно о причинах отсутствия кавказских элементов в титулатуре российских государей в переписке Москвы с «бусурманскими государствами» писал в своем известном сочинении Г. Кото-

шихин (см. об этом: [19, с. 48]); причем дело не ограничивалось письмами, адресованными царями персидскому шаху. Так, в титуле царя Федора Ивановича в его письме турецкому султану Мураду III от 6 июля 1594 г. опущены как раз кавказские «атрибуты» [8, с. 69]; с другой стороны, царь прямо пишет о том, что «изначала кабардинские и горские черкасские князи и шевкальской были холопи наши резанских пределов и от нас збежали с Резани» [8, с. 71]. Обоснование Россией кабардинского владения базируется на двух аргументах: отсылке к женитьбе Ивана IV на дочери кабардинского князя Темрюка Идарова и на том, что «черкасы горские... со всею Кабардинскою землею били челом» тому же царю, после чего «во всей воле его в царской учинились» [8, с. 71].

Обострение крымско-кабардинских отношений в 1708 г. и активизация затем русско-кабардинских отношений стимулировали сферу конструирования и трансляции всевозможных аргументов о российском подданстве Кабарды. В грамоте Петра I кабардинским князьям от 4 марта 1711 г. говорилось не только о согласии принять кабардинцев в подданство, но также о том, что «они прежде сего бывали у предков наших в подданстве и получали у них жалованье» [9, с. 3]. Рабочая гипотеза авторов состоит в том, что дискурсивное употребление лексики, связанной с «традиционной» службой кабардинцев России, оказалось обусловлено именно такими процессами. Так, в письме кабардинских князей, соперников А. Кайтукина, коменданту крепости Святого Креста М. А. Матюшкину от 18 сентября 1725 г. содержались слова о том, что «...мы издревле, как прадеды, деды, таже и мы в подданстве ее императорского величества и в верности аманаты дали и донныне мы служим в верности и от Крыму отделились и имеем войну» [22, с. 557]. Прося помощи у России, князья Атажукины и Мисостовы недаром указывали на «свою давнюю верность Русскому государству, начиная от дедов и прадедов и на нежелание идти под власть Крыма» [24, с. 69]. Интересно, что аргумент, определяющий «древность» подобной службы и положения Кабарды, имел место и в конфликтах кабардинских элит друг с другом. Так, соперники А. Кайтукина, заявившего о намерении быть

в подданстве у хана Менгли-Гирея и ушедшего в Крым в середине 1720-х гг., говорили, что «изстари как отцы и дети их, так и они присягали всероссийским государем быть в верном подданстве» [9, с. 61].

Сам А. Кайтукин в письме к Петру I, датируемом ранее 6 января 1723 г., писал следующее: «Просим е.и.в. покорно, издавно мы под высокою вашего величества рукою жили (выделено нами. – Д. С., О. Т.), всегда слыли рабами вашего величества, дабы нас крымскому хану не соизволили отдать...» [9, с. 39]. Данное письмо стало реакцией князя и его сторонников на письмо к кабардинцам крымского хана Саадет-Гирея III, заявлявшего, что «два государя в миру, и Кабарду отдал ему, хану крымскому, а кто именно Кабарду отдал хану крымскому, того визирном не написано» [9, с. 38]. Примечательно, что в ряде случаев кабардинцы персонифицировали свою службу, адресуя ее конкретным русским государям, причем не только Ивану Грозному. В 1720 г. кабардинцы сообщали российской стороне через своего посла Саадет-Гирея Салтаналеева о том, что они обещают пребывать «в непременном подданстве и верности его... величеству, так как отцу его... царю Алексею Михайловичу, понеже они прежде сего были в христианской вере...» [9, с. 29].

Крымское ханство и Османская империя старались не отставать от России в обосновании собственных прав на Кабарду. Частично это находило подтверждение в российско-османских дипломатических документах (актах). Так, в Адрианопольском мирном договоре от 13 июня 1713 г. «черкесский народ», наряду с ногайским, обозначался как «принадлежащий Крыму» [13, с. 185]. В целом данный договор, завершивший череду русско-турецких войн 1710–1713 гг., был выгоден как для Османской империи, так и для Крымского ханства, притязания которого на Кабарду закрепились опосредованно в IX статье договора: «Ежели народ Калмыцкий показав неприятство учинит убытки и вред народу Крымскому, принадлежащему Блистательной Порте, а таже и народу Нагайскому и Черкасскому, принадлежащим Крыму...» [13, с. 185]. Российская сторона оценивала Адрианопольский договор в целом как удовлетворительный (с учетом возможного продолжения русско-османской

конфронтации), кроме 10-го пункта о «дачах» крымскому хану в размере 40 000 левков (18 000 руб.) [21, с. 168–169].

Получив подтверждение своих притязаний на Кабарду, Гирей активизировали деятельность в данном направлении, также озаботившись поиском исторических аргументов. Из сообщения крымского хана Саадет-Гирея III турецкому султану Ахмеду III за 1722 г. следует, что якобы имеется какое-то известие о том, что «за двести лет до сего времени народ кабардинской пребывает подчинен ханам крымским, а ныне на наших подданных кабардинцев нападают и утесняют казаки и калмыки...» (весь документ см.: [2, л. 3–7]). Особую роль в османо-крымской аргументации занимало обращение к документам российской стороны, якобы доказывавшим отказ России от претензий на Кабарду в прошлом. К примеру, грамота Петра I к султану Ахмеду III от 20 марта 1722 г., упоминавшаяся выше, была использована крымской стороной весной того же года. Ссылаясь на нее, Саадет-Гирей III потребовал от кабардинских князей безоговорочного признания верховной власти султана и хана, поскольку «два государя в миру и Кабарду отдали ему, хану крымскому» [11, с. 56]. Напротив, кабардинцы все чаще используют аргумент о своем российском подданстве для обоснования совместных действий с Россией. Так, отвечая на упреки послов турецкого султана и крымского хана за участие в Кубанском походе 1711 г., князья заметили, что кабардинцы «издавна у русских царей в подданстве, а вам до нас дела нет» [9, с. 13]. В 1720 г. ситуация повторилась: в ответ на угрозы крымского хана Саадет-Гирея III, пришедшего в Кабарду «войною», кабардинцы отвечали, что «они еще никогда у хана под владением не бывали; исстари как деда их и отцы, так и они служат его царскому величеству в подданстве и у его величества пребывают всегда в верности, после которого их ответствования более к ним хан не присылал» [9, с. 28]¹.

Российская сторона, стремясь закрепить на Северном Кавказе (ключом к чему

являлся контроль над Кабардой), немало нуждалась в аргументированном обосновании своих притязаний. События 1731 г. послужили толчком к развитию «малороссийской» версии происхождения кабардинцев, помещавшей их прародину в *исконные* владения российских государей (заметим, что еще при царе Федоре Ивановиче была выдвинута не менее экзотичная версия о «рязанской» прародине кабардинцев). В рапорте И. И. Неплюева, российского резидента в Османской империи, от 20 августа 1731 г. отмечалось, что им получено письмо от коменданта крепости Святого Креста Д. Ф. Еропкина, сообщавшего, что «один салтан» направился «войною» в Кабарду по ханскому указу, предложив коменданту не вмешиваться в происходящее. Комендант ответил, что «в Кабарде которые князья – суть подданные Вашего величества, которых он защищать должен» [3, л. 2]. Здесь имелся в виду кубанский султан Арслан-Гирей, родной брат ранее погибших в Кабарде султанов Бахты-Гирея и Мурад-Гирея [23] [3, л. 2]. Предупреждение российской стороны возымело лишь временный эффект – к концу лета 1731 г. огромное (по мнению российской же стороны) войско Крымского ханства двинулось на Кабарду [1, с. 28].

Результатом переписки И. И. Неплюева и Д. Ф. Еропкина стала поданная османской стороне промемория резидента от 10 августа 1731 г., в которой содержались противоречивые оценки «исторической» принадлежности Кабарды обеим империям. При этом «Кабарда» и «Черкесия» объявлялись одним и тем же образованием, состоящим из разных народов, «из которых некоторые издревле в российском подданстве, а иные у Блистательной Порты, а иные нейтральны между обоими империями» [3, л. 2–2 об.]. В документе отразилась спекулятивная кабардинская генеалогия, согласно которой «тот народ» произошел «из российских областей, Малой России и потому названы черкасы или черкесы» [3, л. 4]. «И вышед оные из Малой России за рекою Волгою на российской же земле неподалеку города российского Терка по Куме реке в урочище у Пяти гор. И потому тогда назывались пятигорские черкесы и содержали оные все веру и закон греческого исповедания и... подвергли

¹ Не о том ли случае речь шла в другом документе 1720 г., когда в ответ на соответствующую угрозу крымского хана кабардинцы сказали, что «они обретаютца под протекциею его царского величества» [9, с. 30]?

они себя в вечное подданство России, и при державе его величества царя Ивана Васильевича, самодержца всероссийского, употреблялись во время войны в действиях воинских против турок и татар» [3, л. 4–4 об.]. Затем конструировался нарратив о *принудительном* переселении кабардинцев якобы крымским ханом Шахбас-Гиреем с места их жительства на Кубань, где они были обращены в мусульманство, а уже оттуда потом вернулись к Пяти Горам [3, л. 4 об.]. Далее промемория обосновывала возникновение Большой и Малой Кабарды борьбой двух братьев-князей: «Чего ради с того времени назвались оныя места, где большой брат поселился, Большая Кабарда, а где меньшей – та Меньшая Кабарда» [3, л. 5]. К тому же отмечалось, что Россией «в разные времена» Порте предоставлялись подобные доказательства, «но однако ж того от Порты под разными неосновательными отговорками по присланным от хана крымского фальшивым претензиям, будто те Кабарды более к Крыму, а не к России принадлежат, не воследовало» [3, л. 5 об.].

Промемория была составлена на фоне очередного обострения крымско-кабардинских отношений и должна была под нажимом России и с подачи Порты отвратить крымского хана Каплан-Гирея от нападения на Кабарду. Однако турки-османы имели собственное видение как исторического прошлого Кабарды (якобы принадлежавшей Крымскому ханству), так и перспектив ее нейтрального статуса [4, с. 460], причем, как выясняется, до актуализации указанного вопроса по итогам русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Предполагая различные варианты развития кабардинских дел, И. Н. Неплюев еще дважды, 15 ноября и 20 декабря 1731 г., обращался к Порте. Предотвратить нападение войска хана Каплан-Гирея на Кабарду не удалось; впрочем, кабардинцы смогли нанести поражение крымцам при переправе Жырыщты/Череште у реки Терек [1] [24, с. 71–72]. Другое дело, что после указанных событий во взаимоотношениях России и Османской империи снова возник дипломатический спор. Турки-османы заявили, что «кабардинцы и черкесы значатся в их росписях за Крымом. Неплюев возразил на это, говоря, что в знак своей вер-

ности кабардинцы издревле дают своих аманатов и их внутренние ссоры всегда разбирают русские пограничные власти. Тогда турки заявили, что в трактате о вечном мире 1720 г. о Кабарде нет ничего» [24, с. 72]. И. И. Неплюев, в свою очередь, предложил, чтобы крымский хан «представил доказательства своего владения Кабардой, и обещал то же сделать от имени России» [24, с. 72]. Впоследствии турки-османы в лице реис-эфенди подтвердили право крымского хана вводить войска в Кабарду на том основании, что Большая и Малая Кабарда якобы «исстари» ему принадлежали; при этом турки-османы ссылались на *российские же документы!* [24, с. 73]. Скорее всего, османская сторона имела в виду грамоту Петра I к султану Ахмеду III от 20 марта 1722 г., в которой тот убеждал султана в своем неременном стремлении к сохранению вечного мира с Портой, развенчивал обвинения крымского хана касательно нарушения его условий в отношении Кабарды. Из данного документа якобы нельзя было вывести заключение о том, что Петр I считал Кабарду принадлежащей России [10, с. 51], а значит, и аргументация И. И. Неплюева, с точки зрения турок-османов, оказывалась несостоятельной. Далее, по словам Н. А. Смирнова, И. И. Неплюев, основываясь на некоторых документах, допустил ошибку, заявив, что считает Большую Кабарду вольной, но, получив новые данные, отказался от своих слов и стал доказывать принадлежность Кабарды России [24, с. 73]. В том же 1732 г. в Коллегии иностранных дел (КИД) была составлена «Выписка о Кабардах Большой и Малой, о пребывании их в протекции или же в подданстве Российской Империи»¹.

¹ Н. А. Смирнов подчеркивал, что подлинник этой справки отсутствует и что ее содержание якобы отражено в опубликованном во 2-м томе сборника «Кабардино-русские отношения...» указе КИД коменданту крепости Святого Креста генералу Д. Ф. Еропкину [24, с. 73]. Однако в этом документе указанная выписка не отражена, но упоминается в указе КИД командующему войсками в крепости Святого Креста Г. Дугласу от 15 августа 1732 г. Между тем в том же сборнике опубликована «Выписка о Кабардах Большой и Малой...» [9, с. 147–151], датированная составителями сборника 1748 г. По ряду датирующих признаков, предложенных авторами статьи, ее стоит признать той самой «справкой», которую Н. А. Смирнов полагал утраченной. Важно подчеркнуть, что перед нами именно подлинник «пропавшего» документа [9, с. 151].

Вероятно, этот документ фигурирует в указе КИД к командующему войсками в крепости Святого Креста Г. Дугласу от 15 августа 1732 г. как выписка «о претензии с Российской стороны о обоих Кабардах, Большой и Малой, каким образом оные изстари принадлежат в подданстве Российской империи» [9, с. 73].

Интересную оценку данному документу дал дореволюционный историк и этнограф В. Н. Кудашев: «Интересны между прочим сведения в этой “выписке” о происхождении кабардинцев... Исторического в них мало, основаны они на преданиях (выделено нами. – Д. С., О. Т.), но сведения эти, сообщенные одним из кабардинских владельцев Могамет-беем, служили для русского правительства основанием отстаивать исконную принадлежность Кабарды русскому государству» [10, с. 52–53]. Обращает на себя внимание риторика крупного историка-кавказоведа Р. Х. Гугова, прокомментировавшего указанную историю характерным для «традиционной» историографии образом: «И хотя историческая правда (выделено нами. – Д. С., О. Т.) была на стороне русского резидента, высшие турецкие сановники... утверждали обратное, что те (то есть кабардинские князья. – Д. С., О. Т.) якобы являлись вассалами крымского хана» [4, с. 460].

В свете рассматриваемой проблематики особое значение имеет «посольство» М. Атажукина в Россию 1732 г. Прибыв в столицу, кабардинский князь имел аудиенцию у вице-канцлера А. И. Остермана 21 февраля 1732 г., в ходе которой затрагивалась ситуация, имевшая место в Кабарде на момент отъезда М. Атажукина, а также взаимоотношения князей Большой Кабарды с малокабардинскими князьями [9, с. 53–55]. Затем М. Атажукин передал российской стороне письмо кабардинских владельцев Большой Кабарды, адресованное императрице Анне Иоанновне, от 22 августа 1731 г. В нем, помимо прочего, содержались отсылки на прежние службы кабардинских князей российским государям: «Да будет в.и.в. известно, что изстари, как и при царе Иоанне Васильевиче, так и при е.и.в., отцы наши и мы в повеленныя нам места для службы ходили...» [9, с. 45]. Именно о прибытии М. Атажукина ко двору упоминает КИД в указе к коменданту крепости Святого Креста Д. Ф. Еропкину

от 2 марта 1732 г. [9, с. 56]. 7 марта того же года М. Атажукин через переводчика М. Турченинова отвечал на вопросы КИД, главным образом касавшиеся отношений князей Большой Кабарды с Крымским ханством и с Малой Кабардой. Особый интерес вызывает ответ М. Атажукина на вопрос КИД о первопричинах конфликта князей Большой Кабарды с Крымским ханством: «Когда кабардинские князья жили в Пяти Горах, и тогда ушел от них Эльмурзы Бековича... отец Бек-мурза в Крым, откуда приходил он, Бек-мурза с крымским Шахбас-Гирей ханом для взятия их, пятигорских владельцев, со всем владением в Крым» [9, с. 59]. Также М. Атажукин заявлял следующее: «И оныя владельцы с совету калмыцкого Аюки-хана, как от него, так и ис кумыков все на Кубань перешли. А сколько лет тамо жили он, Махомет-бек, того не упомнит» [9, с. 59]. Данное высказывание кабардинского посла следует сопоставить с промеморией И. И. Неплюева от 10 августа 1731 г. В ней содержатся свидетельства о принудительном переселении кабардинцев на Кубань «ханом» Шахбас-Гиреем, но само событие отнесено к более раннему периоду [3, л. 4 об.], нежели сообщал посол.

Между тем, на крымском престоле не было хана Шахбас-Гирея; наиболее вероятным кандидатом на эту роль является калгасултан Шахбас-Гирей времени правления хана Девлет-Гирея II (1699–1702). Возможно, именно нарратив И. И. Неплюева послужил первоосновой для более позднего «свидетельства» М. Атажукина, содержавшего ту же «ошибку». Он мог и не знать о вышеуказанном калге, но ведь кабардинские князья находились в тесных контактах с Гиреями (как минимум, располагая сведениями о том, кто именно занимал ханский престол). Важнее другое – в ходе расспросов ни 21 февраля, ни 7 марта 1732 г. М. Атажукин ни разу не упомянул о «малороссийском» происхождении кабардинцев, хотя именно на такие его высказывания КИД ссылалась в указе Д. Ф. Еропкину от 2 марта 1732 г. [9, с. 56], а также в других важных для российской позиции документах.

Своеобразным источником, «подтверждавшим» разные свидетельства о «малороссийском» происхождении кабардин-

цев, стоит считать не ответы М. Атажукина, но «Выписку о Кабардах Большой и Малой, о пребывании их в протекции или в подданстве Российской Империи», составленную в КИД в 1732 г. Ее относительная датировка возможна по упоминанию в указе КИД коменданту крепости Святого Креста Г. Дугласу (сменившему на этом посту Д. Ф. Еропкина) от 15 августа 1732 г. [9, с. 72–76]: «...о том послана к вам обстоятельная выписка, какова наперед сего, а имянно – марта от 25 сего 1732 года послана к резиденту обретающемуся в Константинополе, Ивану Неплюеву, при указе е.и.в., в котором... повелено ему по вышеозначенной выписке при турецком дворе, в доказательство на Кабарду со стороны е.и.в. справедливой претензии, пристойное предложение учинить...» [9, с. 73]. Н. А. Смирнов считал, что данный документ, служивший подтверждением «сведений», изложенных в промемории И. И. Неплюева, оказался утрачен. Однако во 2-м томе «Кабардино-русских отношений...» опубликован сходный по названию документ, датированный составителями сборника 1748 годом. Косвенные данные, представленные в «Выписке о Кабардах Большой и Малой...» [9, с. 147–151], позволяют авторам статьи выдвинуть и обосновать гипотезу о ее создании не в 1748 г., но не позднее 25 марта 1732 г. На это указывают сразу несколько датирующих признаков. Во-первых, говоря о принятии российского подданства князьями пятигорских черкесов, документ отмечает, что «ныне (выделено нами.– Д. С., О. Т.) тому имеетца 177 лет» [9, с. 147]. Далее дата уточняется: «При государствовании его величества царя Ивана Васильевича самодержца... в лето от сотворения мира 7063 года (1554/1555 г.– Д. С., О. Т.) пришли в вечное подданство его царскому величеству князи черкесские со всею их землею и народом пятигорским, то есть обе Кабарды Большая и Малая» [9, с. 148]. Если прибавить к 1555 году 117 лет, то получится именно 1732 год, но никак не 1748! Помимо этого, выписка упоминает о «посольстве» М. Атажукина 1732 года как о *текущем* событии: «А присланный *ныне* (выделено нами.– Д. С., О. Т.) сюда от кабардинских владельцев Махометбек по вопросу объявил...» [9, с. 147]. Наконец, повествуя о событиях

петровской эпохи, автор(–ы) выписки отмечал(–и) следующее: «...а именно: в 1705-м году хан крымский Каплан-Гирей (который *ныне* (выделено нами.– Д. С., О. Т.) тамо ханом же) приходил на кабардинцев со многим войским» [9, с. 150]. На 1748 г. пришлось завершение правления хана Селим-Гирея II и начало правления хана Арслан-Гирея. Между тем последнее правление хана Каплан-Гирея пришлось как раз на 1730–1736 гг. Таким образом, данный *подлинный* документ, опиравшийся на более ранние бюрократические «практики», писался примерно в то же самое время, что и пребывание М. Атажукина в Санкт-Петербурге. «Выписка о Кабардах Большой и Малой...» задействовала его ответы в той степени, в какой они соответствовали задачам обоснования прав России на Кабарду и, подчеркнем, загодя составляемому российскому нарративу.

В частности, это проявилось в сюжете о пленении кабардинцев «ханом» Шахбас-Гиреем, отраженном как в ответах М. Атажукина КИД, так и в «Выписке о Кабардах Большой и Малой...». М. Атажукин в ходе расспроса 7 марта 1732 г. заявил следующее: «...оныя владельцы (то есть кабардинские князья.– Д. С., О. Т.) все ушли; одни в калмыцкие улусы к Аюке хану, а протчия в Кумыки; а подлой народ весь крымской Шахбаз-Гирей хан взяв отвез на Кубань...» [9, с. 59]. Ниже: «И оныя владельцы с совету калмыцкого Аюки-хана, как от него, так и ис кумыков все на Кубань перешли. А сколько лет тамо жили он, Махомет-бек, того не упомнит» [9, с. 59]. В «Выписке о Кабардах Большой и Малой...» данный сюжет освещен иначе: «А потом при державе ж царя Ивана Васильевича учинил на них черкес сильное нападение крымский хан Шахбаз-Гирей со многим крымским и кубанским войском и всех их черкес, тогда побрали и перевезли на Кубань...» [9, с. 148]. Как видим, калмыки фигурируют в данном фрагменте, хотя их правитель не упомянут; подчеркнута помощь калмыков в освобождении кабардинцев из плена: «А после того началась у России война с турками, також с Крымом и с кубанцы, то они черкесы при вспомоении подданных российских калмык с Кубани все ушли в российскую сторону в прежнее свое жилище к пяти горам» [9, с. 148]. Заметим, что

оба текста содержат упоминание о калмыках. М. Атажукин и вовсе связал данные события с калмыцким Аюкой-ханом, правившим в 1672–1724 гг. В «Выписке о Кабардах Большой и Малой...» данные события отнесены к эпохе Ивана IV, хотя активность калмыков в регионе началась не ранее 1630–1640-х гг., что было вызвано их миграцией в Поволжье, о чем не могли не знать в Санкт-Петербурге.

Ценную информацию о конструировании Россией системы своих доказательств содержит указ КИД к коменданту крепости Святого Креста Д. Ф. Еропкину от 2 марта 1732 г. [9, с. 56–57]. В частности, отмечены источники осведомленности КИД: «...по летописцам российским является», кроме того, дана ссылка на ответы присланного «ныне сюда от кабардинских владельцев» М. Атажукина [9, с. 56]. В то же время КИД вела розыск документов, позволивших бы доказать «приход» Большой и Малой Кабарды в российское подданство. В частности, речь шла об использовании документов из приказной избы Терского городка, привезенных в крепость Святого Креста. Отмечалось, впрочем, что вследствие пожара документы «имеютца токмо со 194-го году (то есть с 1685/1686 г. – Д. С., О. Т.), а далее того которые были, те тамо в приказной избе погорели» [9, с. 63]. Речь шла об оригинальных (с переводом на русский) письмах кабардинских князей, регулярно, надо полагать, поступавших в Терский городок.

При определенной нехватке документальных источников было решено обратиться к коллективной памяти самих кабардинцев, а именно – к упоминаниям об их верном подданстве России. Сведения собирались путем расспросов кабардинских владельцев, аманатов, а также «от старожилых терских дворян, мурз, и от протчих, ис которых обретающиеся при крепости Святого Креста во услугах е.и.в.» кабардинцы и ногайцы [9, с. 63–64]. Здесь формировалась иная, нежели в промемории И. И. Неплюева, картина: кабардинцы якобы расселились на реке Куме и служили русским государям, следствием чего стала отдача ими в Терский городок своих аманатов. В результате внутренних противоречий один из кабардинских владельцев, Бек-мурза, «выпросил» у крымского хана войско под командованием

султана Сават-Гирея, которое «черкеских всех князей и с их подвластными побрали в полон и перевели на Орб реку и там их поселили» [9, с. 64]. В дальнейшем кабардинцы «перешли сами собою на Бештоу (к Пяти Горам), где бывало и прежде сего их жилище» [9, с. 64]. Стоит подчеркнуть стремление российской стороны найти не просто подтверждение исконности подданства кабардинцев России, но и обоснование сведениям, приведенным в промемории И. И. Неплюева, в указе КИД Д. Ф. Еропкину, в том числе о «малороссийском» происхождении кабардинцев. Не добившись «нужных» сведений от кабардинцев, региональные власти стремились получить доказательства из внешних источников: «...а оные кабардинцы едва ль не за подлинно сходцы из Малой России и как слышно ото всех здешних народов, что оные кабардинцы издревле были все христианского закону; а ныне владельцы и уздени имеют закон махOMETанской, а крестьяна, живущия в деревнях, некоторые содержат веру и закон христианской несовершенно...» [9, с. 64]. На этом примере можно заметить, что постепенно формируемая Россией аргументация притязаний на Кабарду заимствовала, возможно, доводы, традиционные для османской стороны, включая религиозную принадлежность кабардинцев. Данный тезис сохранялся в дальнейшем; именно укоренившейся среди населения христианской верой кабардинский просветитель Ш. Б. Ногмов обосновывал выбор, сделанный Темрюком Идаровым в пользу Москвы: «Вероятно, что христианская вера, распространенная в древности Греками между Каспийским и Черным морями была еще в большой силе у нашего народа. Эта причина побудила его (Темрюка. – Д. С., О. Т.) искать союза с русскими, как с единоверцами...» [12, с. 107].

Собранные на Кавказе свидетельства (включая «Краткое описание истории кабардинского народа...», составленное Д. Ф. Еропкиным) были отправлены в Санкт-Петербург Г. Дугласом, сменившим Д. Ф. Еропкина на посту коменданта крепости Святого Креста. «Краткое описание...» стало своеобразной компиляцией сведений, полученных от самих кабардинцев и столь необходимых столице по своей направленности и звучанию: «В древ-

них годах... перешли небольшое число людей черкас и польских малоросцов своевольно в горские места, и тогда назывались горские черкесы... и чрез несколько лет по размножении оного народа прежде вышедшие малоросские черкесы старики, у кого размножились холопья, назывались узденями...» [9, с. 78]. Помимо подтверждения некоторых сведений из промемории И. И. Неплюева и «Выписки о Кабардах Большой и Малой...», здесь развивался тезис о «малороссийском» происхождении не всех черкесов, но местной дворянской элиты, при этом вопрос хронологии подобных событий опускался.

Заметим, что в аргументации российской стороны конкретной позиции по кабардинскому вопросу почему-то не использовались, за малым исключением [9, с. 149], материалы шертных грамот кабардинских князей предыдущего периода, а также жалованные грамоты на княжение, выдававшиеся московскими царями кабардинским владельцам, как минимум, с 1578 г. [8, с. 34–35]. Впрочем, некоторым образом анализировались документы из «старого архива» в Москве, включая выписки из «Ногайских» и «Крымских» книг [9, с. 146–147]. Сохранялись подлинные кабардинские грамоты, заверенные подписями и печатями; еще больше осталось переводов и копий с переводов оригинальных текстов, отложившихся в тогдашних российских архивах [25, с. 162]. Кроме собственно кабардинских грамот, написанных либо на тюрки («татарским письмом»), либо на русском языке, в архивах сохранились ответные грамоты московских государей к кабардинским владельцам [8, с. 34–35, 52–54], способные, казалось, выступать в качестве надежной, действительно исторической, аргументации КИД по выгодному для империи разрешению «кабардинского вопроса». Несмотря на возможную доступность подобных документов, КИД обратилась к ним в начале 1730-х гг. лишь выборочно, массово опираясь на иные, едва ли не на «альтернативные» источники информации. Таких групп источников оказалось несколько, впервые в историографии учтенных авторами статьи. Во-первых, это пока неизвестные нам летописные свидетельства (прежде всего, некий «Летописец российский» [9, с. 147]). Во-вторых,

это документы российского приказного делопроизводства из архива Посольского приказа, включая переводы писем кабардинских князей. Некоторые надежды, судя по всему, КИД связывала также с архивом приказной избы Терского городка, долгое время служившего форпостом российского влияния на Северном Кавказе. В-третьих, это актовый материал, в частности, представленный шертной грамотой кабардинского князя Шолоха Тапсарукова и мурз Казыя Пшеапшокова, Мудара Алкасова, Куденека Камбулатова и Нарчова Елбузлукова 1614 г. (ранее июня), в которой они шертовали на том, чтобы служить царю Михаилу Федоровичу «и быть под его царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным» [9, с. 149] [8, с. 80–81]. Наконец, четвертая группа источников связана с исторической памятью самих кабардинцев (в том числе устные рассказы), а также разных «терских старожил». Подобные сведения собирались как региональными властями (например, крепости Святого Креста), так и центральными, в том числе в ходе приема кабардинских князей в Санкт-Петербурге.

Между тем противоречия между Россией и Портой на Северном Кавказе становились все более явными. Разрешение «кабардинского вопроса» вышло на новый уровень после вторжения 80-тысячного крымского войска в Кабарду в августе 1735 г., спровоцировавшего начало русско-турецкой войны (1735–1739). Кабардинские князья тогда заняли в массе своей российскую сторону. Кабардинские отряды действовали совместно с донскими и терскими казаками, а также с 40-тысячным отрядом калмыков под командованием наместника Калмыцкого ханства Дондук-Омбо (главным образом на Кубани), сковав значительные крымско-османские силы; участвовали в осаде Азова и пр. Главной же их заслугой, по замечанию В. Н. Кудашева, стало то, что «кабардинцы оберегали весь кизлярский край и сообщение между Кизляром и Астраханью (тогдашними ключевыми пунктами российского присутствия в регионе.– Д. С., О. Т.) от набегов кубанцев» [10, с. 50]. В июне 1736 г. были взяты Азов и Перекоп, что открыло российским войскам дорогу на Крым. Главным итогом войны стал

Белградский мир, заключенный 18 сентября 1739 г. Многие исследователи его оценивают критически, считая «самым неудачным во всей истории русской дипломатии» [5, с. 340], по нему «кабардинцы, давно признавшие себя подданными русского государства, не по своей вине перестали быть ими» [10, с. 54]. Стоит, впрочем, заметить, что главная цель со стороны Санкт-Петербурга – усиление позиций России в Северо-Восточном Причерноморье и одновременное ослабление османского присутствия, вызванное утратой Азова, – все-таки была достигнута. Согласно 6-му артикулу Белградского договора, «Об обеих Кабардах, то есть Большой и Малой и Кабардинском народе с обеих сторон соглашённость, что быть тем Кабардам вольным, и не быть под владением ни одного, ни другого Империя, но токмо за барьеру между обеими империями служить имеют...» [17, с. 901]. Нейтральный статус Кабарды, признанный обеими империями, открывал новую страницу в их противостоянии, а также во взаимоотношениях России, Крымского ханства и Османской империи с кабардинскими элитами. Стоит отметить, что инициатива создания «барьерных» территорий при демаркации границ двух империй принадлежала Порте [18, с. 92]. Это вписывалось в общую тенденцию перехода османской политики от активной экспансии в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе к политике сохранения уже имевшихся владений. Российская же сторона, прежде выступавшая против подобной инициативы, стремилась, в конечном счете, к максимальному увеличению площади «барьерных» территорий, что позволяло обезопасить южные рубежи империи от набегов со стороны Крымского ханства. Другое дело, что русское правительство, «...пытаясь показать видимость соблюдения условий Белградского договора, фактически никогда не упускало своих видов на Кабарду...» [7, с. 287]. Напротив, вопреки содержанию 6-го артикула Белградского мирного договора (о запрете «вступаться» в дела Большой и Малой Кабарды) в историографии порой утверждается, что Россия и Османская империя сохраняли право контроля над внутренним положением Кабарды и ее внешними связями [30, с. 184].

***

Переходя к выводам, отметим, что «кабардинский вопрос» оказался неоднородным явлением, выходящим далеко за рамки российско-османского военного противостояния на Северном Кавказе. Доказана необходимость более системного его изучения, связанного с попытками нескольких государств обосновать свои «исторические» права на Кабарду и кабардинцев. По всей видимости, активизация подобного явления в истории «кабардинского вопроса» пришлась на начало 1730-х гг., без чего проблематично уяснить для Кабарды «невоенные» итоги более позднего Белградского мирного договора. Фактические и символические притязания на нее со стороны Российской и Османской империй предполагали обоснование своей позиции, в том числе опиравшееся на дипломатические, исторические и тому подобные аргументы, приводимые каждой из сторон. Фактическая новизна статьи оказалась связана, прежде всего, именно с заявленной постановкой вопроса, напрасно обходимого в предшествующей историографии, как правило, учитывавшей только «права» России. Позиции сторон представлены авторами в пространстве равноправных дискурсивных имперских практик, что составило еще один необходимый аспект заявляемой новизны. Особую роль играли претензии правящих Гиреев на кабардинские земли, служившие платформой для обоснования османской аргументации, как правило, маргинализировавшиеся в объяснительных моделях предшествующей историографии. Военно-политические события в Кабарде 1710–1730-х гг. сопровождались активизацией коммуникационных связей кабардинских элит с Российской империей, в том числе выраженных в заявлениях кабардинцев о своем «древнем» служении царям и подданстве России. Последнее, вероятно, было связано с их стремлением обрести постоянную и прочную военно-политическую поддержку России, как против внешних угроз, так и против соперников в самой Кабарде. Особое внимание в статье уделено активной дипломатической позиции России по «кабардинскому вопросу», целенаправленно собиравшей устные и письменные свидетельства о «древнем» российском

подданстве кабардинцев, начиная со второй половины XVI в.

Обосновано новое для историографии мнение о том, что Санкт-Петербург постепенно и намеренно конструировал выгодный для себя нарратив о «древнем» российском подданстве кабардинцев (а также их «малороссийском» или ином происхождении), опираясь как на летописные источники, на материалы приказного и коллежского делопроизводства (включая архивные источники), так и на собираемые устные и письменные свидетельства о «древности» российского подданства, исходящие от самих кабардинцев. Получена новая для науки информация о том, что собираемые российскими властями данные не только компилировались, но и ситуативно «подстраивались» под уже имевшиеся в «активе» российской стороны прочие аргументы.

Впервые в науке была системно аргументирована гипотеза о том, что содержащаяся во 2-м томе «Кабардино-русских отношений...» так называемая «Выписка о Кабардах Большой и Малой...» (датированная составителями 1748 г.) была создана в 1732 г. и представляла собой документ особой важности для позиции Российской империи при султанском дворе. Кроме того, авторы пересмотрели категоричный вывод предшествующей историографии о том, что данный документ якобы оказался утрачен. Созданный российскими дипломатами и чиновниками нарратив о «древнем» российском подданстве кабардинцев впоследствии сохранялся,

пережив *политические* условия своего создания. Он также повлиял на оформление последующих «традиционных» историографических представлений о неуклонном решении «кабардинского вопроса» в пользу России, зачастую не учитывавших конъюнктурных оснований, сопровождавших его конструирование в имперский период. Существенной исследовательской перспективой, намеченной в данной статье и требующей дальнейшей разработки, является изучение не только российской, но и османско-крымской аргументации по «кабардинскому вопросу» как *равноценной* в пространстве взаимного соперничества. Нарратив, созданный российской стороной, формировался не в вакууме, чутко реагируя на османско-крымскую контраргументацию, которая зачастую описывалась в отечественной историографии лапидарно, требуя сегодня дополнительного исследования, в том числе с привлечением османских и крымских источников. В дополнительном изучении нуждаются также элементы российского и османско-крымского нарративов, включавшие «геральдические» аргументы и нашедшие отражение в титулатуре, прежде всего, крымских ханов и российских царей (императоров). Кроме того, в дальнейшем необходимо более подробно изучить вопрос о конструировании Россией версий происхождения кабардинского народа (включая «рязанскую» и «малороссийскую» его прародину), сопровождавшемся намеренным сбором различных по происхождению и содержанию источников.

✉ **Dmitry V. SEN'**

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
dsen1974@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5222-4685>

Oleg Yu. Tikhonov

Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
olti8802@mail.ru

Historical and Cultural Connections Between Russia and Kabardia in the Political and Diplomatic Space of the “Kabardian Question” (1720s – 1730s): The Construction of the Narrative

Abstract. The aim of this article is to analyze forms and ways of representation discourse views on their ownership “rights” on Kabarda by Russia, the Ottoman Empire and the Crimean Khanate in the second, third decade of the 18th century, which were based on documents, and in some cases – on oral memory. This paper focuses on the lesser-known aspects of the “Kabardian question” when these states attempted to justify their “legal” rights on Kabarda’s land and the Kabardians. The study is based primarily on the Russian government documents, at both central and local levels. In this article, the authors used general scientific as well as specialized historical methods, particularly historical-comparative analysis and historical-genetic method. The main subject of analysis is specific discursive practices which the aforementioned states used to substantiate their claims regarding the “ancient” allegiance of the Kabardians. The arguments from opposing sides of various origins and reliability are presented. The “Kabardian question” is considered in condition of permanent confrontation in the North Caucasus region in the 1730s–1740s that forced the involved parties to explore more and more arguments as tensions escalated. The Kabardian princes, in turn, sought to protect their own positions by intensifying communication with the Russian Government. Particular attention is paid to Russian diplomacy on “Kabardian question.” Russian efforts were the most systematic among all parties involved in collecting both written and oral evidence of the ‘ancient’ Russian allegiance, including the arguments of the Kabardians themselves, starting from the second half of the 16th century. The study also examines, within the same context, the attempts by the Russian government – and especially its foreign policy apparatus – to define the ‘historical homeland’ of the Kabardians as part of Russia’s ‘original’ lands. The results showed that the “Kabardian question” was a heterogeneous phenomenon reaching far beyond the Russian-Ottoman military and political rivalry and historical arguments of their claims was an important part. Both Russian and Crimean-Ottoman argumentation should be considered as equal elements of this rivalry, without marginalizing the latter which is often the case in “traditional” historiography. The Kabardians themselves played a significant role, and their arguments were taken into account by empires. By processing and compiling diverse sources, Russia in the 1730s purposefully and systematically constructed a narrative about “ancient” allegiance of the Kabardians to the Russian tsars – a narrative that had a long-lasting impact on later Russian historiography.

Keywords: diplomacy, treaties, Kabarda, Kabardians, Crimean Khanate, Ottoman Empire, Russian Empire.

Литература:

1. Алоев Т. Х. Битва на переправе Жырышты: кабардино-крымская кампания 1731 г. и ее итоги // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 4 (39). С. 27–44.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 115. Оп. 115/1. 1722 г. Д. 3.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 115. Оп. 115/1. 1731–1732 гг. Д. 1.
4. Гугов Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 686 с.
5. Гугов Р. Х. Научное наследие. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2017. 592 с.
6. Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). Нальчик: Эль-Фа, 2001. 412 с.

References:

1. Aloev, T.Kh. (2018) Bitva na pereprave Zhyrishchy: kabardino-krymskaya kampaniya 1731 g. i ee itogi [The Battle at the Zhyrishchy Crossing: The Kabardian-Crimean Campaign of 1731 and Its Results]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta humanitarnykh issledovaniy*. 4 (39). pp. 27–44.
2. *Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 115. List 115/1. 1722. File 3.
3. *Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 115. List 115/1. 1731–1732. File 1.
4. Gugov, R.Kh. (1999) *Kabarda i Balkariya v XVIII veke i ikh vzaimootnosheniya s Rossiey* [Kabarda and Balkaria in the 18th Century and Their Relations with Russia]. Nalchik: El'-Fa. 686 p.
5. Gugov, R.Kh. (2017) *Nauchnoe nasledie* [Scientific Heritage]. Nalchik: M. i V. Kotlyarovy Publ. 592 p.

7. Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. 816 с.
8. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2 т. Т. I. XVI–XVII вв. / сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. XVI, 478 с.
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2 т. Т. II. XVIII в. / сост. В. М. Букалова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. VII, 424 с.
10. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию дома Романовых. Киев: Тип.-литогр. С. В. Кульженко, 1913. 283 с.
11. Налоева Е. Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А. С. Мирзоев. Нальчик: Печатный двор, 2015. 368 с.
12. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям Кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым. Напечатана с подлинной, исправленной рукописи и дополнена предисловием, биографией автора, примечаниями и приложением Ад. Берже. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавказского, 1861. 176, V с.
13. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 13. Вып. 1 (январь – июнь 1713 г.). М.: Наука, 1992. 479 с.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. I: (1649–1675). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. XXXI, 1029, 13 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. II. (1676–1688). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. [1], 974, 3 с.
16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. VI: (1720–1722). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. [1], 818 с.
17. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. X: (1737–1739). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 995, [1] с.
18. Приймак Ю. В. Белградский трактат 1739 года и генезис «Кавказского фронта» // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 9-2. С. 87–93.
19. Пчелов Е. В. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века. Нальчик: Кабардино-Балкар. науч. центр Рос. акад. наук, 2007. 86 с.
20. Рахаев Дж. Я. Кабарда в российско-османских отношениях в 20-е гг. XVIII в. // Исторический вестник. 2009. № 8. С. 138–183.
21. Рахаев Дж. Я. Кабарда в системе международных отношений в начале XVIII в. // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: сб. ст. к 60-летию В. Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во Ин-та гуманитар. исследований Правительства Кабардино-Балкар. Респ. и Кабардино-Балкар. науч. центр Рос. акад. наук, 2009. 360 с.
22. Рахаев Дж. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. М.: Изд-во Института востоковедения РАН, 2015. 288 с.
23. Дзамихов К. Ф. (2001) *Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.)* [The Adyghe People in Russia's Policy in the Caucasus (1550s – Early 1770s)]. Nalchik: El'-Fa. 412 p.
24. Дзамихов, К.Ф. (2008) *Адыги: вехи истории* [The Adyghe People: Milestones of History]. Nalchik: El'brus. 816 p.
25. Demidova, N.F., Kusheva, E.N. & Persov, A.M. (comps.) (1957) *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy* [Kabardian-Russian Relations in the 16th–18th Centuries. Documents and Materials]. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. XVI, 478 p.
26. Bukalova, V.M. (comp.) (1957) *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy* [Kabardian-Russian Relations in the 16th–18th Centuries. Documents and Materials]. Vol. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. VII, 424 p.
27. Kudashev, V.N. (1913) *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode. K 300-letiyu doma Romanovykh* [Historical Information about the Kabardian People. On the 300th Anniversary of the Romanov Dynasty]. Kiev: Tip.-litogr. S.V. Kul'zhenko. 283 p.
28. Naloeva, E.D. (2015) *Kabarda v pervoy polovine XVIII veka: genезis адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории* [Kabarda in the First Half of the 18th Century: The Genesis of Adyghe Feudal Society and Problems of Socio-Political History]. Nalchik: Pechatnyy dvor. 368 p.
29. Nogmov, Sh.B. (1861) *Istoriya адыгейского народа, составленная по преданиям Кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым* [History of the Adyghe People, Compiled from the Legends of the Kabardians by Shora-Bekmurzin-Nogmov]. Tiflis: Tip. Gl. upr. Namestnika Kavkazskogo. 176, V p.
30. *Pis'ma i bumagi Petra Velikogo* [Letters and Papers of Peter the Great]. (1992) Vol. 13. Iss. 1. Moscow: Nauka. 479 p.
31. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (1830) Collection 1. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. XXXI, 1029, 13 p.
32. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (1830) Collection 1. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [1], 974, 3 p.
33. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (1830) Collection 1. Vol. 6. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [1], 818 p.
34. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (1830) Collection 1. Vol. 10. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 995, [1] p.
35. Priymak, Yu.V. (2009) *Belgradskiy traktat 1739 goda i genезis "Kavkazskogo frontira"* [The Treaty of Belgrade of 1739 and the Genesis of the "Caucasian Frontier"]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 9-2. pp. 87–93.
36. Pchelov, E.V. (2007) *Kabardinskaya zemlya v tsarskom titule i russkoy gosudarstvennoy geraldike XVI – nachala XX veka* [The Kabardian Land in the Royal Title and Russian

века. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 784 с.

23. Сень Д. В. Новые данные о походе султанов Бахты-Гирея (Дели-султана) и Мурад-Гирея на Кабарду весной 1729 г. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. «Общественные науки». 2024. № 3. С. 74–83.

24. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М.: Изд-во социально-экономич. лит., 1958. 244 с.

25. Сокуров В. Н. Кабардинские грамоты XVI–XVIII вв. // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 162–201.

26. Фаизов С. Ф. «Где Москва, где восток, где запад?»: географическая полемика между крымским ханом Мухаммедом IV и царем Алексеем Михайловичем в 1655–1658 г. [Электронный ресурс] // Издательский дом «Медина». URL: https://idmedina.ru/books/materials/faizhanov/3/hist_faizov-2.htm (дата обращения: 09.12.2025).

27. Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереевского времени. М.: Гуманитарий, 2003. 168 с.

28. Якубова И. И. Кабарда в международных отношениях в XVIII веке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2009. № 3 (29). С. 135–143.

29. Якубова И. И. «Кабардинский» вопрос в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // Исторический вестник. 2005. № 2. С. 114–125.

30. Якубова И. И. Кабарда в русско-турецких отношениях середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 9. С. 184–189.

State Heraldry of the 16th – Early 20th Centuries]. Nalchik: Kabardino-Balkar. nauch. tsentr Ros. akad. nauk. 86 p.

20. Rakhaev, Dzh.Ya. (2009) Kabarda v rossiysko-osmanskih otnosheniyakh v 20-e gg. XVIII v. [Kabarda in Russian-Ottoman Relations in the 1720s]. *Istoricheskiy vestnik*. 8. pp. 138–183.

21. Rakhaev, Dzh.Ya. (2009) Kabarda v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v nachale XVIII v. [Kabarda in the System of International Relations at the Beginning of the 18th Century]. In: *Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza* [Current Problems in the History and Ethnography of the Peoples of the Caucasus]. Nalchik: Izd-vo In-ta gumanitar. issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkar. Resp. i Kabardino-Balkar. nauch. tsentr Ros. akad. nauk. 360 p.

22. Rakhaev, Dzh.Ya. (2012) *Politika Rossii na Severnom Kavkaze v pervoy chetverti XVIII veka. Arkhivnye i narrativnye istochniki 1699–1725 gg., rossiysko-osmanskie i rossiysko-persidskie dogovory pervoy chetverti XVIII veka* [Russia's Policy in the North Caucasus in the First Quarter of the 18th Century. Archival and Narrative Sources of 1699–1725, Russian-Ottoman and Russian-Persian Treaties of the First Quarter of the 18th Century]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. 784 p.

23. Sen', D.V. (2024) Novye dannye o pokhode sultanov Bakhty-Gireya (Deli-sultana) i Murad-Gireya na Kabardu vesnoy 1729 g. [New Data on the Campaign of Sultans Bakhty-Girey (Deli-Sultan) and Murad-Girey to Kabarda in the Spring of 1729]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya "Obshchestvennyye nauki"*. 3. pp. 74–83.

24. Smirnov, N.A. (1958) *Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vekakh* [Russia's Policy in the Caucasus in the 16th–19th Centuries]. Moscow: Sotsekgiz. 244 p.

25. Sokurov, V.N. (1980) Kabardinskie gramoty XVI–XVIII vv. [Kabardian Charters of the 16th–18th Centuries]. In: *Iz istorii feodal'noy Kabardy i Balkarii* [From the History of Feudal Kabarda and Balkaria]. Nalchik: El'brus. pp. 162–201.

26. Faizov, S.F. (n.d.) “Gde Moskva, gde vostok, gde zapad?»: geograficheskaya polemika mezhdru krymskim khanom Mukhammedom IV i tsarem AlekseeM Mikhailovichem v 1655–1658 gg. [“Where is Moscow, Where is the East, Where is the West?»: A Geographical Polemic between Crimean Khan Muhammad IV and Tsar Alexei Mikhailovich in 1655–1658]. *Izdatel'skiy dom "Medina"*. [Online] Available from: https://idmedina.ru/books/materials/faizhanov/3/hist_faizov-2.htm (Accessed: 09.12.2025).

27. Faizov, S.F. (2003) *Pis'ma khanov Islam-Gireya III i Mukhammed-Gireya IV k tsaryu Alekseyu Mikhailovichu i korolyu Yanu Kazimiru. 1654–1658. Krymskotatarskaya diplomatika v politicheskom kontekste postpereyaslavskogo vremeni* [Letters of Khans Islam Giray III and Muhammad Giray IV to Tsar Alexei Mikhailovich and King Jan Kazimir. 1654–1658. Crimean Tatar Diplomats in the Political Context of the Post-Perereyaslav Era]. Moscow: Gumanitariy. 168 p.

28. Yakubova, I.I. (2009) Kabarda v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v XVIII veke [Kabarda in International Relations in the 18th Century]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 3 (29). pp. 135–143.

29. Yakubova, I.I. (2005) “Kabardinskiy” vopros v russko-turetskikh otnosheniyakh v seredine XVIII v. [The

“Kabardian” Question in Russian-Turkish Relations in the Mid-18th Century]. *Istoricheskiy vestnik*. 2. pp. 114–125.

30. Yakubova, I.I. (1987) Kabarda v rusko-turetskikh otnosheniyakh serediny XVIII veka [Kabarda in Russian-Turkish Relations of the Mid-18th Century]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 184–189.

Потенциальный конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Disclosure

The authors declare no conflict of interest

Вклад авторов

Д. В. Сень – разработка концепции, проведение исследования, научное руководство, написание черновика рукописи

О. Ю. Тихонов – проведение исследования, написание черновика рукописи, написание рукописи – рецензирование и редактирование

Authors' contributions

Dmitry V. Sen' – Conceptualization, Investigation, Supervision, Writing – Original Draft Preparation

Oleg Yu. Tikhonov – Investigation, Writing – Original Draft Preparation, Writing – Review & Editing

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Сень Д. В., Тихонов О. Ю. Историко-культурные связи России и Кабарды в политико-дипломатическом пространстве «кабардинского вопроса» (1720 – 1730-е гг.): конструирование нарратива // *Наследие веков*. 2025. № 4. С. 67–83. DOI: 10.36343/SB.2025.44.4.005

For citation:

Sen', D.V. & Tikhonov, O.Yu. (2025) Historical and Cultural Connections Between Russia and Kabardia in the Political and Diplomatic Space of the “Kabardian Question” (1720s – 1730s): The Construction of the Narrative. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 67–83. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.44.4.005

Поступила в редакцию / Received 23.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised 30.11.2025

Принята к публикации / Accepted 09.12.2025

Опубликована / Published 31.12.2025